

УДК 94 (517)"09/11"+94(510).03/04

**ПАДЕНИЕ УЙГУРСКОГО КАГАНАТА
И ОСНОВНЫЕ ПУТИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ
КОЧЕВЫХ ОБЩЕСТВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В IX–XI ВВ.**

C. A. Vasyutin

**FALL OF UYGHUR KHAGANATE
AND THE MAIN WAYS OF SOCIAL-POLITICAL EVOLUTION
NOMADIC SOCIETIES IN CENTRAL ASIA OF IX-XI CENTURIES**

S. A. Vasyutin

В свете концепции многолинейности в статье показаны различные модели социально-политической адаптации кочевников в восточном ареале евразийских степей в IX – XI вв.: племенные объединения (сложные чифдомы), построенные на основе кланово-племенной иерархии; империи с кочевым и оседлым населением, интеграция которых в единый социум не была завершена; кочевые государства с комплексными кочевно-оседлыми обществами и доминирующей ролью кочевников в политической сфере.

In the light of the conception multi-trend social evolution, the article shows different models of social and political adaptation of nomads in the East of Eurasian steppes in IX – XI centuries: tribe unions (compound chiefdoms) based on clannish and tribal hierarchy; empires with nomadic and settled population, which integration in a united society wasn't finished; nomadic states with compound nomadic-settled societies and dominate role of nomads in political sphere.

Ключевые слова: кочевники Центральной Азии, многолинейность социальной эволюции, кочевая империя, сложное вожество, государство.

Keywords: Nomads of Central Asia, multi-trend social evolution, nomadic Empire, compound chiefdom, State.

Уйгурский каганат (744/745 – 840 гг.) дал исторический образец существования в степи сложного урбанизированного общества с формирующимися государственными институтами [1, с. 93–95, рис. 1; 2, с. 14 – 15, 123; 3, с. 59 – 63; 4, с. 145 – 158; 5, с. 64 – 65; 6, с. 126 – 136, 143 – 147; 7, с. 56 – 66, 150 – 153; 8, с. 180 – 184; 9, с. 333; 10, с. 17 – 25; 11, с. 28 – 29 и др.]. Это существенно отличает данную политику от Тюркских каганатов VI – VIII вв. и ряда других кочевых империй. Привлечение уйгурами в степь согдийцев и китайцев позволило развернуть строительство городов и крепостей, рядом с которыми росли торговые и ремесленные посады, земельские поселения [12, с. 42, 43; 7, с. 56 – 58, 151; 17, с. 83; 13, с. 84 – 85; 14, с. 63 – 64; 15, с. 46; 8, с. 180 – 184 и др.]. Уйгурский каганат стал важным звеном в евразийской торговле по шелковому пути. В империи возникла бюрократическая иерархия, фискальные институты, элита каганата приняла манихейство, что является свидетельством трансформации Уйгурского каганата в государство. Таким образом, в период существования Уйгурского каганата произошла смена вектора развития степных обществ Центральной Азии, что выразилось в тенденции к усложнению общественной организации и политических практик. Однако нельзя не заметить определенную «хрупкость» уйгурской «культурно-политической конструкции». Показательно, что падение каганата в 840 г. привело к сравнительно быстрому исчезновению городской инфраструктуры, упадку земледелия и ремесла в монгольских степях, разрыву торговых связей. Тем самым можно говорить о неустойчивости прогрессивных тенденций в кочевом мире, их прерывистости. В связи с этим можно поставить следующие вопросы: Какие соци-

ально-политический формы доминировали в Центральной Азии в IX – XI вв.? Был ли опыт Уйгурского каганата востребован? Ограничивались ли наиболее сложные кочевые образования IX – XI в. воспроизведением социально-политических структур Уйгурской политики или были тенденции к дальнейшему усложнению общественно-политической организации? В этой связи важнейшие задачи статьи состоят в том, чтобы изучить пути социально-политической эволюции кочевых обществ Центральной Азии в конце раннего средневековья, проанализировать факторы роста сложности кочевых обществ и выявить основные модели общественно-политического устройства локальных, среднемасштабных и имперских образований, созданных номадами в рассматриваемом регионе в IX – XI вв.

В решении поставленных задач автор статьи исходит из современных концепций политогенеза, в рамках которых выделяются различные по своей сложности, масштабу и уровню политической интеграции системы управления (племя, простые чифдомы, сложные чифдомы, ранние государства, традиционные государства, их альтернативы и т. д.) [16, 17, 18, с. 198 – 200; 19; 20, с. 27 – 31; 21; 22; 23; 24 и мн. др.] и представлений о многолинейности социальной эволюции [18, с. 195 – 198; 25, с. 75 – 90; 26, с. 49 – 74; 27, с. 10 – 13; 28, с. 49 – 58 и др.]. Сочетание этих двух подходов, а также использование сравнительно-типологического метода, позволит увидеть многомерность социально-политическое развитие кочевых народов Центральной Азии в IX – XI вв. В ряде публикаций нами была предложена концепция четырех ступеней сложности организации власти у кочевников [11, с. 29 – 32; 29, с. 338 – 344]. Однако специально данная теория в отношении кочевых обществ Цен-

тральной Азии IX – XI вв. не прорабатывалась. Кроме того, политарные процессы не сопоставлялись с процессами социального развития кочевников. Поэтому в статье также делается попытка выявить взаимозависимость между ростом политической сложности и общественными изменениями в кочевой среде.

Падение Уйгурского каганата и завоевания кыргызов вызвали мощную волну миграций в Центральной Азии. Уйгуры и их союзники, разделившиеся на несколько групп, переселились к границе империи Тан, откочевали в тибетские владения в Восточном Туркестане, в Ганьчжоу и Гаочан, часть бежала на запад в Семиречье, а некоторые племена укрылись на востоке у шивэй и киданей. В Семиречье уйгуры наряду с карлуками и ягма сыграли важную роль в провозглашении и дальнейшей истории Караханидского каганата. Другой миграционный поток привел к образованию в Восточном Казахстане и степном Алтае Кимаковского каганата. Это в свою очередь подтолкнуло к переселению в западном направлении огузов, печенегов и другие кочевые группы [30, с. 334 – 339; 31, с. 26 – 33, 35 – 36, 97 – 98, коммент. 21, 22, 23; 32, с. 25 – 30; 33, с. 323, 324 – 325, 230; 34, с. 117, 119, 134 – 136 и др.]. В итоге сложные формы политической интеграции возникали в основном в западном ареале Центральной Азии, в то время как в Монголии непродолжительность так называемой «эпохи кыргызского великодержавия» привела к вакууму власти в последней трети IX в. Среди племенных объединений тюркоязычных кочевников в Центральной Монголии и монголоязычных надплеменных союзов шивэй, си (кумоси), киданей в восточных предгорьях степной Евразии не было политики явно доминирующей над другими номадами. Однако данная ситуация существенно изменилась после создания киданями империи Ляо (907 – 1125), пик могущества которой приходится на рубеж X – XI вв.

Для второй половины IX в. в нашем распоряжении имеются танские источники, которые в общих чертах дают представление об организации власти и общественной жизни шивэй, си и киданей. Наиболее дисперсной была социально-политическая организация племен шивэй. У них отсутствовал единый правитель, своих лидеров (мохэдо, мохэфу) имели только крупные и «сильные» кочевья (племена) – хуантоу, сайхэчжи, да шивэй (большие шивэй). Всего насчитывалось более 20 кочевий, одни из которых имели «тысячу дворов», другие – «несколько тысяч дворов», рассеянных «по речным долинам». Несмотря на указание на то, что шивэй переселяются «в поисках воды и травы», не все их племена вели сугубо кочевой образ жизни. В «Новой истории династии Тан» подчеркивается, что у шивэй «нет овец, мало лошадей, но есть крупный рогатый скот» и «большие свиньи». Кочевой образ жизни был характерен для западных шивэй (усугу, исаймо, сайхэчжи, хэцзе, улоху, нали). В других кочевьях в разных пропорциях совмещалось и кочевое хозяйство (в источниках есть указание на выращивание шивэйцами зерновых культур, изготовление вина). Реальная власть скорее всего была у племенных вождей, так как она передавалась по наследству и только при отсутствии наследников

выбирали «сильного и решительного». Касательно инструментов управления Оуян Сю лаконично пишет «нет налогов» [35, с. 136, 137 – 140]. Таким образом, у шивэй господствовал институт традиционных племенных лидеров, лишь наиболее сильные из которых могли временно объединять несколько племен. О власти таких вождей (мохэдо) в источниках практически нет информации. Разобщенность шивэйцев и их удаленность от Китая ограничивали доступ к престижным товарам, а имеющиеся избытки племена шивэй вынуждены были отдавать в качестве дани тюркам, а затем уйгурам. Отсутствие иерархической системы и недостаток ресурсов говорят о том, что условий для устойчивого существования аристократии и военной знати у шивэйцев не было, поэтому их общественная организация строилась на семейно-клановых принципах (старшие и младшие кланы, старшинство в семье) и половозрастной дифференциации.

Более сложной общественно-политической структурой обладали си (кумоси). У сисцев было пять кочевий. Каждое кочевье возглавлялось сыцзинем и представляло собой вторичное племя или надплеменное объединение (в составе кочевий в середине IX в. было не менее 200 тыс. юрт). Во главе всех пяти кочевий стоял представитель рода Ахуэй. В китайских источниках общие лидеры племен си представлены как «самые храбрые вожди». В VI – IX вв. си, несмотря на подчинение тюркам и уйгурам, вели постоянные войны с киданями, совершали набеги на Китай, отправляли посольства в Среднее государство, получали титулы и должности от китайских императоров. Вожди си нередко получали в качестве «даров» шелк (до 100 тыс. кусков тканей). Такие «дары» поддерживали рост элитарных слоев в сисском обществе. Еще в VII в. сформировалась постоянная гвардия (вождя охраняли 500 вооруженных охранников). На протяжении VIII–IX вв. росло число вождей, военачальников и чиновников. К середине IX столетия у сисцев было не менее 200 вождей, 200 военачальников и 300 чиновников [35, с. 144 – 152]. В итоге можно констатировать, что в IX веке у сисцев сложилась определенная иерархия на надплеменном уровне. Особенно показателен состав элиты, включавшей кланово-племенную и военную аристократию, а также небольшое количество гражданских должностных лиц. Последнее является прямым свидетельством высокой степени политической интеграции племен си и формирования сложного чифдома с общими институтами внутреннего управления. Развитие этих тенденций было прервано миграцией части сисцев в район китайской области Гуйчжоу (так называемые западные си) и последовавшим подчинением сисских племен киданям [35, с. 152 – 153].

Близкую модель сложного чифдома демонстрирует Кимаковский каганат. Но в процессе своего развития в IX – X вв. Кимаковский каганат, насколько позволяют судить письменные и археологические источники, начал трансформироваться в одну из переходных форм ранней государственности. Важнейшим политическим событием в истории каганата стало па-

дение Уйгурского каганата. Это вызвало миграцию части племен (эймюров, байандуров, татар) в Прииртышье. Тюрки-кочевники смогли подчинить местное самодийское население, что послужило основой для более сложной социальной и политической организации. Более того, само кочевое население делилось на семь племенных групп (ими, кимаки, татры, байандуры, кыпчаки, ланиказы, аджлады), из которых две (ими и кимаки) возвышались над остальными [36, с. 35 – 47; 34, с. 134 – 135]. В результате в Кимакском каганате во второй половине IX в. существовала трех-четырёхуровневая иерархия, что способствовало начальным этапам формирования раннегосударственных структур. Усложнение властных институтов отражает и изменение титулатуры правителей кимаков: шад-тутук – ябу – хакан (36, с. 116). Большинство арабо-персидских сочинений IX – XI вв. рассматривают кимаков как исключительно кочевой народ, с одним лишь городом – резиденцией кагана. В тоже время в мусульманской историографии нашли отражение и такие факты, как существование центральной администрации и наместников, административного деления, письменности, фискальной политики в каганате, развитие в центре каганата 16 городов, добыча серебра и т. д. [36, с. 65 – 66, 74 – 76, 82 – 83, 88 – 89, 98 – 108, 116 – 118 и др.]. Однако подтвердить значительную часть этих оценок с помощью данных археологии пока не удалось. Это оставляет открытым вопрос о том, сформировалось ли у кимаков государство или нет? Вероятно, данная тенденция общественно-политического развития не была полностью реализована в связи с распадом кагана в начале XI в.

Наиболее динамичными изменениями в IX – X вв. характеризуется политическое развитие киданей. На протяжении VI – IX вв. кидани, проживавшие в бассейне р. Шара-Мурен в Маньчжурии, сохраняли довольно стабильную племенную структуру, которая включала «восемь кочевий» [35, с. 154, 157, 163, 171, 172 – 173, 186]. До IX в. у киданей не было сколько-нибудь устойчивой надплеменной власти. Временное объединение киданей под главенством какого-либо «князя», как правило, было следствием военно-политических успехов того или иного вождя и быстро распадалось из-за внутренних конфликтов, военных поражений либо смерти лидера [35, с. 159 – 161, 171]. Сведение о гражданских функциях киданьских вождей нет. В середине IX в. в китайских источниках закрепляются представления об интеграции киданей под главенством представителей «фамилии Дахэ» [35, с. 156, 163]. Тем не менее, китайские хроники отчетливо фиксируют «усиление» киданей и рост агрессивности в отношении слабеющей империи Тан. На этом фоне к концу IX в. у киданей возникает оригинальная система ротации надплеменных правителей. В ее рамках вожди кочевий по очереди избирали верховным правителем на определенный срок: по одним данным его сменяли через три года [35, с. 171; 173], по другим – если он долго правил или если в степи произошел падеж скота [35, с. 186; 37, с. 41]. Это может свидетельствовать о растущих противоречиях между племенными вождями и стоявшими за ними линиями, а также о попытках регули-

ровать данные противоречия с помощью регулярной смены верховного вождя. Подобная процедура была лишь временным механизмом, закреплявшим баланс политических сил в киданском сообществе. Однако он был нарушен Елюй Абаоци, который сумел узурпировать власть и возвыситься до императорского статуса. Он консолидировал киданей для внешних завоеваний. Интенсивные завоевания велись на рубеже IX–X вв., в результате чего племена си, шивей, нойчжэней (чжурчженей), а также тюрки на западе оказались в зависимости от киданей [37, с. 42; 38, с. 44 – 45]. Таким образом, к 907 г. кидани создали своего рода региональную державу и этот успех был закреплен провозглашением Абаоци императором (храмовый титул Тай-цзу). Дальнейшие успехи политики Абаоци были связаны с падением Тан и образованием в Китае нескольких царств. Это позволило киданям использовать в своих целях противоречия между правителями Поднебесной, а также начать значимую трансформацию своей империи силами многочисленных мигрантов из Китая. Во владениях киданей стали возводиться города, получил распространение буддизм, интенсивно развивались ремесло и торговля, стала оформляться фискальная система и т. д. В рейдах по северо-восточным провинциям Китая в 916 – 917, 921, 923 гг. кидани захватывали многочисленное оседлое население. И хотя походы не всегда успешно заканчивались для киданей, в целом они демострировали могущество киданьской державы, обогащали как кочевую элиту, так и рядовых nomads и позволили захватить территории с оседлым населением. Венцом завоевательной политики Абаоци (ум. 926 г.) стало покорение государства Бохай в 926 г. [35, с. 176, 192, 379, прим. 32; 37, с. 51 – 52; 38, с. 54 – 55]. Тем самым Абаоци заложил основы киданьской империи.

Продолжил дело Абаоци по созданию киданьской империи его средний сын Дэгуан (император Тай-цзун, 926 – 947). Его образ тесно связан с успешными набегами на Китай, разгромом в 936 году династии Поздняя Тан, с занятием 16 китайских областей, провозглашение марионеточной династии Поздняя Цзинь, император которой (Гао-цзу) «обещал ежегодно присылать 300 тыс. кусков шелка» [35, с. 180, 198; 38, с. 61 – 62]. К кочевникам поступал не только шелк, но и золото, знаки достоинства, дворцовые одежды, колесницы и мн. др. Главный успех Дэгуана – победа в кровопролитной войне с Поздней Цзинь 944 – 946 гг., захват цзиньскую столицы Даляня и провозглашение в 947 г. Да Ляо – империи Великая Ляо [35, с. 181 – 184; 38, с. 67 – 71]. Дэгуан заложил основы дуальной организации власти в империи. Северная администрация управляла киданями, подчиненными кочевыми и оседлыми народами, а также довольно многочисленными китайцами волей судеб оказавшимися на территории киданьских кочевий. Южная администрация появилась в связи с необходимостью осуществлять власть над захваченными китайскими областями. В дальнейшем она превратилась в постоянно действующую систему управления китайскими провинциями империи Ляо. Причем за исключением выс-

ших должностей, которые занимались представителями правящего рода Елюй, все остальные бюрократические посты в южной администрации получали китайцы [39, с. 181 – 182, 187 – 188].

Во второй половине X в. империи Ляо пережила кризис, связанный с утратой элитой киданей сплоченности, ее нежеланием вести войны из-за огромных доходов и так поступающих к киданьской знати через налоги, пошлины, дары северных племен и откупы царства Сун. Кризис кочевых ценностей наглядно характеризует правление Шулюя (Му-цзуна, 951 – 968) и Сяня (Цзин-цзу, 968 – 982), которые, как повествуют китайские хронисты, почти и «не занимались государственными делами» [35, с. 209; 37, с. 112, 114, 119 – 120; 38, с. 76, 82]. Шулюй, например, не ходил в походы, не осуществлял командование армией, любил охоту, вино, проводил время в основном в окружении евнухов, пил всю ночь до утра, а днем постоянно спал, в связи с чем кидани называли его «спящим правителем» [35, с. 209; 37, с. 105]. Сянь также отстранился от управления (вместо него на аудиенции приходила жена), «во время праздников и больших приемов ... выглядел подавленным и нерадостным», «имел склонность к вину и женщинам» [37, с. 114, 119 – 120]. И это на фоне нередких поражений киданьских войск от позднечжоуской и сунской армий, бегства китайских администраторов и военачальников, прекращения военных походов [37, с. 105, 106, 110, 111]. Такая модель поведения явно противоречила образу славного и доблестного кочевого правителя. Е Лун-ли писал о таких ничтожных императорах, что они «сняли латы и шлемы в женских покоях, а под боком у них возникали поводы для вражды» [35, с. 113]. Преодолеть кризис удалось императору Шэн-цзуну (982 – 1031), сумевшему консолидировать ляоское общество и обеспечить возрождение империи. В правление Шэн-цзуна окончательно оформилась административная система империи. Испытывая необходимость в грамотных и образованных людях, император пошел на изменение принципов формирования бюрократического аппарата. В 988 г. была восстановлена система экзаменов для пополнения чиновничьего сословия. Внешнеполитическую устойчивость обеспечила активное давление на сунский Китай на рубеже X – XI вв. и заключение после череды военных успехов в 1004 г. Шаньюаньского мира. По договору кидани стали ежегодно получать 100 тыс. серебряных монет и 200 тыс. кусков шелка. Империя расширила влияние в Монголии, где с конца X века развернулось строительство городов, крепостных сооружений. На Толе и Керулене возникли крупные городища. Особенно мощный форпост из городов, крепостей, усадеб, ремесленных и сельских поселений возник в бассейне р. Толы. На север (по всей видимости, против кочевников цзубу, дада и др.) были выдвинуты каменное городище Эмгитэйин хэрэм и крупный город с крепостью Хэрмэн дэнж на берегу Толы. Южнее располагались три крупных городов Харбух балгас, Чинтолгой балгас и Улаан хэрэм. Еще южнее располагалось более десятка небольших поселков и городков [1, с. 95 – 97; 7, с. 67 – 72, 153 – 154; 41, с. 88 – 163; 8, с. 199 – 203; 9, с. 334 –

339 и др.]. Однако расцвет империи не был долговечным. С середины XI в. наблюдается новый этап ослабления Ляо, который закончится захватом ее территории чжурчженями в 1125 г.

Перенесение китайских традиций на управленческую практику северной (киданьской) администрации (создание государственного сектора, налоги, рост должностей) способствовало зарождению словных границ в киданьской среде, вызвало процессы десоциализации среди кочевников. Киданьская элита, подражая китайской знати, занимала различные придворные должности, обладала земельными ресурсами, участвовала в распределении государственных доходов, т. е. вела оторванную от кочевого быта повседневную жизнь. Таким образом, наметился разрыв между ценностями рядовых кочевников и киданьской аристократии. Положение рядовых номадов в империи Ляо было неоднозначным и противоречивым. С одной стороны простые кочевники входили в военное ополчение и тем самым составляли основу армии. С другой стороны в кочевой среде имперской метрополии (т. е. северных провинций) шли процессы оседания номадов; государство расширяло госсектор, отнимая племенные земли, сгоняя номадов с пастбищ и родовых территорий, солдат пограничной службы заставляли обрабатывать поля и выращивать зерно [3, с. 184, 186; 49, с. 113 и др.]. Тем не менее, сословная система у киданей не сформировалась, так как даже в XI в. сохранялось преобладание свободных номадов, находившихся на государственной службе либо занимавшихся выпасом скота в родовых землях. Синтез социо-культурных традиций рядовых земледельцев и номадов был возможен только в отдельных анклавах империи (например, города со смешанным населением в Монголии). В масштабах всей империи пространственное разграничение территорий проживания киданей и китайцев (северная метрополия и провинции с китайским населением подчинялись разным администрациям) исключало интенсивные контакты этих наиболее важных этнических групп имперского общества. В этих условиях процесс формирования номадно-оседлого общества в Ляо оказался незавершенным.

Длительное время и в Караханидском каганате интеграция кочевников и оседлого населения городов и оазисов шла медленными темпами. Несмотря на то, что городское управление находилось преимущественно в руках кочевой знати, большинство номадов предпочитали оставаться за пределами городских стен, а их экономические, социальные и культурные интересы редко пересекались с жителями городов Средней Азии и Семиречья. Решающее значение для социально-политического развития Караханидского каганата имело принятие около 960 г. ислама. Во второй половине X в. Караханиды стали обладателями обширных территорий с городским и земледельческим населением. Для результативного управления оседлыми поданными Караханидам потребовался разветвленный аппарат чиновников, в связи с чем в каганате появилась сложная титульная иерархия: Арслан-илиг, Арслан-тегин, Йинал-тегин, Йаган-

тегин, Алп-тегин, Атим-тегин, Тоган-тегин, Тогрыл-тегин, Улуг-тегин, Ака-өгә, Субаши-өгә, Тонга-өгә, Эл-өгә, Тархан и т. д. С конца X в. началась чеканка караханидских монет. Монетное производство было налажено в Фергане, Бухаре, Шаше, Узгенд, Баласагуне, Кашгаре, Самарканде и др. городах. Первоначально чеканка караханидских динаров и дирхемов преследовала пропагандистско-политические цели (засвидетельствовать переход этих городов под контроль Караханидов и связь с исламской традицией), но со временем, судя по широкому распространению караханидских монет, они стали основным средством обмена и выплаты даней, рент, налогов, пошлин и т. д. [34, с. 123 – 124; 40, с. 245 – 249 и др.]. Разделение Караханидского государства в 1041 – 1042 гг. на два каганата – Западный (с центром в Самарканде) и Восточный (с центром в Баласагуне, затем в Кашгаре) – показывает, что его правители стремились к более эффективному управлению своими землями, чего невозможно было добиться из степи. Б. Д. Кочеву удалось убедительно показать, что сначала в Западном каганате, а затем в Восточном правители покончили с множеством ханов и князей, создали централизованное управление и разветвленную бюрократию [40, с. 250 – 251]. Таким образом, Караханидский каганат демонстрирует устойчивую линию на формирование государственных структур и трансформацию системы отношений каганов и кочевого населения. При том, что сохраняли свое значение базовые элементы поддержания авторитета правителя в среде кочевников с помощью раздач и дележа добычи, сама административно-политическая система каганата формировалась в контексте выработанных в среднеазиатских городах принципов и традиций. Сравнительно быстрая исламизация тюркоязычных кочевников в государстве Караханидов привела к ассимиляционным процессам и расширила сферу взаимодействия кочевников и земледельцев [34, с. 124].

Последний пример, который будет рассмотрен в статье – уйгурские княжества в Восточном Туркестане. Мигрировавшие в середине IX в. в восточно-туркестанские владения Тибета уйгуры смогли постепенно добиться доминирования в обозначенных регионах. Первоначально уйгуры действовали как традиционные кочевники: они совершали набеги на китайские анклавы в Восточном Туркестане и северо-западные владения Тан, грабили, вымогали шелк и другие товары. Затем в последней трети IX в. они нанесли несколько поражений тибетцам и местным племенам, захватили Ганьчжоу, Сичжоу (Гаочан, Турфан), Луньтай, другие округа и города. В результате в Восточном Туркестане в X в. возникло несколько крупных и мелких уйгурских княжеств [31, с. 40 – 41; 32, с. 53 – 54; 33, с. 323 и др.]. Мы более детально остановимся только на двух наиболее крупных политиях – Ганьчжоуском и Турфанском княжествах. Этот выбор во многом объясняется тем, что отрывочные сведения о государствах Восточного Туркестана китайских и киданьских хроник касаются преимущественно Ганьчжоу и Турфана.

В Ганьчжоу уйгуры прочно укрепились на рубеже IX – X в., и местные уйгурские предводители но-

сили титул «кагана» вплоть до захвата княжества тангутами в 1028 г. В X в. в Позднюю Лян, Позднюю Тан, Позднюю Цзинь, Позднюю Хань, Сун, Ляо стали регулярно прибывать посольства от уйгурских каганов. По всей видимости китайцы имели представление об общественных и культурных изменениях в жизни уйгуров. Показательно, что император Чжуанцзун пожаловал уйгурского кагана Жэнь-мэя титулом Ин-и (храбрый и справедливый), что вполне соответствовало ментальным установкам кочевников, а через несколько лет аналогичные пожалования звучали как «следующий по пути культуры» или «почитающий культуру» [31, с. 44, 37, 53 – 54 и др.]. В Ганьчжоу, судя по материалам китайских хроник, происходила интеграция оседлого и кочевого населения. Следует учесть, что уйгуры и согдийцы имели длительный опыт культурного синтеза в Уйгурском каганате. Описание производимой в уйгурских владениях продукции показывает сочетание оседлой и кочевой экономик: нефрит, яки, дикие лошади, одногорбые верблюды, белых соболей, панты антилопы, нашатырь, мускус, алмазы, киноварь, хлопок, кожи низкорослых диких лошадей, пшеница, ячмень, корхор, лук, черемша, кориандр, удила, седла и пояса, украшенные нефритом, уздечки, оружие и др. [31, с. 45, 58, 59, 60, 62, 78 и др.]. В «Удай Шицзи» говорится, что каганы их живут в башнях, а «министры» («бирюки», «бююруки») должны снимать шапки, когда являлись к кагану [31, с. 45]. Тем самым очевидно, что уйгурские лидеры и люди из их окружения превратились в государственно-административный аппарат восточно-туркестанских городов и оазисов. Государственный статус уйгурского Ганьчжоу признавали и сами китайцы [31, с. 50, 51, 54, 55 и др.]. В одной из сунской хроник указывается, что у уйгуров в конце X в. существовало деление государства на мелкие административные единицы [31, с. 80, 154, коммент. 588]. Очевидно, что государственно-административная система Ганьчжоуского княжества развивалась на протяжении всего X в. Сообщение историков о том, что торговлей наряду с согдийцами занимались и сами уйгуры [31, с. 46 – 47, 48, 74] показывает, что трансформацию претерпели и хозяйственные занятия рядовых кочевников. При этом уйгуры («конные латники» [31, с. 80]) составляли основу армии Ганьчжоу. Остается сожалеть, что нет прямых свидетельств о внутренней жизни уйгурского Ганьчжоу, которые позволили бы более корректно оценить социально-политическую организацию княжества. Имеющиеся в нашем распоряжении сведения позволяют предположительно говорить о достаточно органичной форме взаимодействия и интеграции кочевого и оседлого населения и формирования комплексного кочевно-оседлого общества.

В Гаочане происходили сходные процессы, но кочевая составляющая была выражена более ярко. Судя по описаниям в «Сунши» китайского посольства 981 – 984 гг. во главе с Ван Янь-дэ в Гаочан, уйгурская знать, включая семью Арслан хана, осела в городах, но не утратила связи с кочевым скотоводством («Каган, жена кагана и наследник занимаются разведением лошадей») [31, с. 90]. В Гаочанском княжестве расселились разные этнические группы

номадов (северные и южные тюрки, большие и малые чжун-юй, ягма, карлуки, кыргызы и др.), по обычаю любящие ездить верхом и стрелять из лука, но при этом есть и земледельческое население, которое выращивает «различные злаки», подводит «в окружающие столицу районы для орошения полей и устройства водяных мельниц», производит «собольи шкурки, белые хлопчатобумажные ткани, узорчатые парчевые такни», а также искусные мастера (ремесленники) изготавливающие «прекрасную утварь из золота, серебра, меди и железа» и умеющие «обрабатывать нефрит» [31, с. 89, 90; 33, с. 331, 332, 333]. Ван Янь-дэ зафиксировал наличие социально-имущественной дифференциации («знатные люди едят конину, остальные баранину, а также гусей и уток»), но при этом подчеркивает, что в Гаочанском государстве нет бедных, а «нуждающимся в пище оказывается помощь» [31, с. 89]. Каган (Арслан хан) во время посольства прибывал либо в Бешбалыке, либо в своих степных владениях (долина Пинчунь), во время его отсутствия управлением государством занимался его дядя. В его распоряжении находились должностные лица [31, с. 89 – 90]. Имелась опечатанная башня с приказами, что говорит о развитии государственного делопроизводства. В Гаочане мы наблюдаем смену религиозного вектора и приобщения уйгуров к буддизму. В целом Гаочанское княжество было «процветающим государством с крупными городами, развитым ремеслом, сельским хозяйством, многочисленными стадами и высокой культурой» [33, с. 333]. Таким образом, мы видим формирование в Гаочане сложной политической системы, соответствующей традиционному государству и оформлению иерархичной общественной организации, включавшей уйгурскую кочевую знать, управляющую государством, бюрократию, племенных вождей и рядовых номадов, земледельцев, ремесленников, торговцев и другие группы населения.

Подводя итоги необходимо отметить, что в результате сравнительно-исторического исследования удалось показать существенные различия в общественно-политическом развитии надплеменных и племенных сообществ Центральной Азии в IX – XI вв. Весьма дифференцированная картина управленческих институтов и социальных структур у населения рассматриваемого региона позволяет в контексте теории многолинейности социальной эволюции выделить основные политические и общественные модели адаптации номадов в IX–XI вв. и соотнести их между собой. Сразу оговоримся, что мы не рассматриваем специально пасторальные вторичные племена и простые вожества центральноазиатских номадов, которые могли существовать либо как свободные и полувисимые сообщества (шивэй, цзубу), либо как части более сложных и иерархичных социально-политических систем. Первая модель представлена сложными чифдомами с кланово-племенной иерархией (си, кидани до провозглашения империи, ранний этап развития Кимакского каганата). Вторая модель связана с оформлением имперско-государственных структур в связи с завоеванием номадами территорий с оседлым населением (Ляо, Караханидский каганат). В социальном отношении в таких «имперских обще-

ствах» шли процессы дифференциации и десоциализации кочевников, обособления элиты с тенденцией превращения ее в замкнутое сословие, но существование основной части кочевников и земледельцев в разных территориальных, хозяйственных и культурных нишах препятствовало их интеграции. В какой-то мере такая помеха была устранена в Караханидском каганате, где после принятия ислама возникла общая для номадов и оседлого населения система управления и существенно расширилась сфера экономического взаимодействия кочевниками и жителями городов и оазисов Средней Азии и Семиречья. И, наконец, третья модель представлена уйгурскими княжествами в Восточном Туркестане, в которых на более локальном уровне (так называемые среднемасштабные общества) при политическом доминировании номадов возникали государства с разветвленной бюрократией и более органично происходило формирование комплексных номадно-оседлых сообществ.

Литература

1. Киселев, С. В. Древние города Монголии [Текст] / С. В. Киселев // Советская археология. – 1957. – № 2. – С. 91 – 101.
2. Киселев, С. В. Древнемонгольские города [Текст] / С. В. Киселев, Л. А. Евтюхова, Л. Р. Кызласов, Н. Я. Мерперт, В. П. Левашова. – М.: Наука, 1965. – 372 с.
3. Кызласов, Л. Р. История Тувы в средние века [Текст] / Л. Р. Кызласов. – М.: Изд-во МГУ, 1969. – 211 с.
4. Кызласов, Л. Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.) [Текст] / Л. Р. Кызласов. – М.: Изд-во МГУ, 1979. – 208 с.
5. Кляшторный, С. Г. Древние города Монголии // Древние города. Материалы Всесоюзной конференции «Культура Средней Азии и Казахстана в эпоху раннего средневековья» [Текст] / С. Г. Кляшторный. – Л.: Наука, 1977. – С. 64 – 65.
6. Камалов, А. К. Древние уйгуры. VIII – IX вв. [Текст] / А. К. Камалов. – Алматы: Наш Мир, 2001. – 216 с.
7. Данилов, С. В. Города в кочевых обществах Центральной Азии [Текст] / С. В. Данилов. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. – 202 с.
8. Цэвээндорж, Д. Археология Монголии [Текст] / Д. Цэвээндорж, Д. Баяр, Я. Цэрэндагва, Ц. Очирхуяг. – Уланбаатар: Институт археологии МАН, 2008. – 239 с.
9. Крадин, Н. Н. Урбанизационные процессы в кочевых империях монгольских степей [Текст] / Н. Н. Крадин // Монгольская империя и кочевой мир. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. – Кн. 3 – С. 330 – 345.
10. Дробышев, Ю. И. Уйгурский каганат – нетипичная кочевая империя [Текст] / Ю. И. Дробышев // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – 2009. – № 3. – С. 17 – 26.
11. Васютин, С. А. Основные модели организации власти у кочевников Центральной Азии периода раннего средневековья (в свете теории многолинейности) [Текст] / С. А. Васютин // Восток. Афро-

азиатские общества: история и современность. – 2010. – № 4. – С. 20 – 33.

12. Малов, С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии [Текст] / С. Е. Малов. – М.; Л.: Издательство АН СССР, 1959. – 109 с.

13. Худяков, Ю. С. Памятники уйгурской культуры в Монголии [Текст] / Ю. С. Худяков // Центральная Азия и соседние территории в средние века. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 84 – 89.

14. Худяков, Ю. С. Древние и средневековые фортификационные вооружения в Южной Сибири и Центральной Азии [Текст] / Ю. С. Худяков // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. – Кемерово: Изд-во КемГУ, 1995. – С. 62 – 73.

15. Арабские источники о тюрках в раннее средневековье [Текст] / Исследование, перевод с арабского и комментарии Ф. М. Асадов. – Баку: Элм, 1993. – 204 с.

16. Першиц, А. И. Вождество [Текст] / А. И. Першиц // Свод этнографических понятий и терминов. Социально-экономические отношения и соционормативная культура. – М.: Наука, 1986. – С. 3 – 7.

17. Бондаренко, Д. М. Становление государственного общества. Первый вызов вечной проблеме в постсоветской этнологии [Текст] / Д. М. Бондаренко // Восток (Oriens). – 1993. – № 5. – С. 185 – 197.

18. Бондаренко, Д. М. Многолинейность социальной эволюции и альтернативы государству [Текст] / Д. М. Бондаренко // Восток (Oriens). – 1998. – № 1. – С. 195 – 202.

19. Крадин, Н. Н. Вождество: современное состояние и проблемы изучения [Текст] / Н. Н. Крадин // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. – М.: Восточная литература, 1995. – С. 11 – 61.

20. Крадин, Н. Н. Современные данные о происхождении государства [Текст] / Н. Н. Крадин // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия история, филология. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2005. – Т. 4. – Вып. 1. История. – С. 23 – 32.

21. Карнейро, Р. Теория происхождения государства [Текст] / Р. Карнейро // Раннее государство, его альтернативы и аналоги: сборник статей. – Волгоград: Учитель, 2006. – С. 55 – 70.

22. Саутхолл Э. О возникновении государств [Текст] / Э. Саутхолл // Альтернативные пути к цивилизации. – М.: Логос, 2000. – С. 130 – 136.

23. Классен, Х. Дж. М. Эволюционизм в развитии [Текст] / Х. Дж. М. Классен // Раннее государство, его альтернативы и аналоги: сборник статей. – Волгоград: Учитель, 2006. – С. 15 – 36.

24. Корякова, Л. Н. Стратификация, иерархия, власть и становление государств в архаичных обществах (обзор основных концепций) [Текст] / Л. Н. Корякова // Медиевистика XXI века: проблемы методологии и преподавания. – Кемерово: ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет», 2007. – С. 74 – 93.

25. Коротаев, А. В. Социальная эволюция: факторы, закономерности, тенденции: монография [Текст] / А. В. Коротаев. – М.: Восточная литература РАН, 2003. – 287 с.

26. Коротаев, А. В. Альтернативы социальной эволюции (вводные замечания) [Текст] / А. В. Коротаев, Н. Н. Крадин, В. А. Лынша // Альтернативные пути к цивилизации. – М.: Логос, 2000. – С. 24 – 83.

27. Гринин, Л. Е. Макроэволюция в живой природе и обществе: монография [Текст] / Л. Е. Гринин, А. В. Марков, А. В. Коротаев. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 248 с.

28. Гринин, Л. Е. Социальная макроэволюция: генезис и трансформация Мир-Системы: монография [Текст] / Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 568 с.

29. Васютин, С. А. Социально-политическая организация кочевников Центральной Азии поздней древности и раннего средневековья (отечественная историография и современные исследования) [Текст] / С. А. Васютин, П. К. Дашковский. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2009. – 400 с.

30. Бичурин, Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена [Текст] / Н. Я. Бичурин. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – Т. I. – 397 с.

31. Малявкин, А. Г. Материалы по истории уйгуров в IX–XII вв. [Текст] / А. Г. Малявкин – Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1974. – 210 с.

32. Малявкин, А. Г. Уйгурские государства в IX–XII вв. [Текст] / А. Г. Малявкин. – Новосибирск: Наука, 1983. – 297 с.

33. Малявкин, А. Г. История Восточного Туркестана в VII–X вв. // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: очерки истории [Текст] / А. Г. Малявкин, Б. А. Литвинский. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1988. – С. 297 – 351.

34. Кляшторный, С. Г. Степные империи древней Евразии [Текст] / С. Г. Кляшторный, Д. Г. Савинов. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. – 346 с.

35. Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху [Текст] / Введение, перевод и комментарии В. С. Таскина. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1984. – 486 с.

36. Кумеков, Б. Е. Государство кимаков IX – XI вв. по арабским источникам [Текст] / Б. Е. Кумеков. – Алма-Ата: Наука, 1972. – 157 с.

37. Е Лун-ли. История государства киданей (Цидань го чжи) [Текст] / Перевод, введение, комментарий и приложения В. С. Таскина. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1979. – 607 с.

38. История Железной империи [Текст] / Перевод и комментарии Л. В. Тьюриотной. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2007. – 356 с.

39. Крадин, Н. Н. Кочевники Евразии [Текст] / Н. Н. Крадин. – Алматы: Дайк-пресс, 2007. – 416 с.

40. Кочнев, Б. Д. Нумизматическая история Караханидского каганата (991–1209 гг.) [Текст] / Б. Д. Кочнев. – М.: София, 2006. – Ч. I. – 344 с.

41. Очир, А. Хаар бух балгас ба туул голын савдахь хятаны уейн хот, суурингууд [Текст] / А. Очир, А. Энхтур, Л. Эрдэнэболд. – Улаанбаатар: Монголын Үндэсний музей, 2005. – 214 с.